УДК 81'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-32-41

ПОНЯТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАНИЦЫ В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКСИОСФЕРЕ

Милованова М. С., Чжао Мэйвэй

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Цель статьи заключается в рассмотрении понятия коммуникативной границы как традиционно значимого в русской национальной аксиосфере.

Процедура и методы исследования. В статье анализируются национальные традиции в установлении либо сглаживании коммуникативных границ, при этом акцентируются особенности русского коммуникативного поведения. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, структурно-семантического анализа.

Результаты проведённого исследования. В результате проведённого анализа выявлено, что специфику русского коммуникативного поведения составляет чёткое обозначение и установление границ, ситуативно и коммуникативно обусловленных.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования вносят определённый вклад в развитие идей лингвоаксиологии, коммуникативистики и антропологической лингвистики.

Ключевые слова: русская национальная аксиосфера, субъективное отрицание, коммуникативная граница, семантика волевого ограничения

THE CONCEPT OF “COMMUNICATIVE BORDER” IN THE RUSSIAN NATIONAL AXIOLOGICAL SPHERE

M. Milovanova, M. Zhao

*Pushkin State Russian Language Institute
6 Akademika Volgina ul., 117485 Moscow, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose of the article is to consider the concept of a communicative border as a traditionally significant one in the Russian national axiosphere.

Methodology and Approach. The article analyzes national traditions in establishing or smoothing out communicative boundaries while emphasizing the features of Russian communicative behavior. During the research, methods of observation, generalization, structural and semantic analysis were applied.

Results. The analysis revealed that the specificity of the Russian communicative behavior is clearly defined and set boundaries that are situationally and communicatively determined.

Theoretical and / or Practical implications. The results of the research make a certain contribution to the development of the ideas of linguoaxiology, communicative studies, and anthropological linguistics.

Keywords: Russian national axiological sphere, subjective denial, the border of communication, semantic restrictions of volition

ВВЕДЕНИЕ

Результаты социологических и филологических исследований свидетельствуют о том, что в современном российском обществе происходят колоссальные изменения: обособление общественных и личных интересов, атомизация общества, индивидуализация сознания, глубинная перестройка информационных и коммуникативных связей. В целом изменяется система базовых / общечеловеческих и традиционных национальных ценностей [4; 5], что приводит к постепенной трансформации менталитета: «Языковой менталитет при всей устойчивости способен адаптационно изменяться, особенно под воздействием изменившейся среды существования народа» [13, с. 166]. Вместе с тем наряду с «переменными» современных ценностей представлений существуют «константы» – представления, которые можно рассматривать, во-первых, как исконно и традиционно ценностные для русского национального менталитета [28], во-вторых, актуальные для современных носителей русского языка.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ: КОММУНИКАТИВНАЯ ГРАНИЦА КАК НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Граница – понятие традиционно значимое, выражающее важный для русского национального сознания смысл и отягощённое множественными ассоциациями, с ним связанными. Понятие пользуется особым вниманием исследователей и неоднократно рассматривалось в лингвистических работах в историко-этимологическом, лингвокогнитивном, лингвофилософском, сопоставительном, терминологическом аспектах [3; 6; 7; 10; 12; 14; 15; 19; 20; 22; 23]. В настоящей статье предлагаем рассмотреть проблему с коммуникативно-прагматической точки зрения.

В языковом сознании современных носителей русского языка словами, репрезентирующими понятие границы, являются следующие, которые могут употребляться

как в пространственном¹, так и в непространственном значении: *черта* (подвести черту, у последней черты), *стена*, *пропасть* (между нами стена / пропасть), *рубеж* (последний рубеж), *точка* (дойти до точки), *рамка* (выйти за рамки дозволенного), *линия*, *край*, *берег*², а также лексемы *начало* и *конец* [12; 15].

Мысль о непространственной (метафорической) границе, помимо двух общепризнанных форм – временные и морально-этические границы – имеет ещё одну форму представления. Речь идёт о коммуникативной границе, а именно о границе, устанавливаемой волей говорящего. Идея волевой границы – это область пересечения и взаимодействия субъективно-модальных значений, связанных с семантикой отрицания-«отталкивания».

Известный историк и социолог Б. Ф. Поршнев выдвинул тезис о противопоставлении как обязательном компоненте этнического самосознания, предполагающем наличие границы [19]. Следовательно, оба понятия – противопоставление и граница – являются фактом любого национального сознания и находят отражение в национальном языке. Вместе с тем мысль о коммуникативной границе не является одинаково ценной в национальных лингвокультурах.

Коммуникативная практика переосмысляет понятие границы противопоставления под углом зрения Я – не-Я. И если

¹ Обозначением физической, материальной – пространственной – границы может стать любой предмет (знак границы). Об этом факте свидетельствует этимология праславянского слова **gran*, имеющего в славянских языках производные с мотивирующим значением *межевого знака*: болгарско-сербское *граница* – ‘дуб’, возможно, изначально ‘дуб с затесью’; чешское *hraniště* ‘костёр’ – ‘вероятно, яма с углями для обозначения межи» [20, с. 155].

² Например, начало стихотворения У. Э. Хенли *Out of the night that covers me / Black as the pit from pole to pole...* в русском переводе звучит как *В глухой ночи без берегов* (пер. В. Рогова). Для создания образа огромной ночи переводчик использует традиционное в русском сознании представление, связанное с отсутствием границ, ср.: *бескрайний, бесконечный, безбрежный*. Ср. дословный перевод: *от полюса до полюса* [11, с. 56-59], то есть ‘от одной границы до другой’.

любая граница принадлежит обоим сторонам [14, с. 210; 19, с. 12], то коммуникативную границу, как и любую другую, можно перенести, что и происходит в реальном диалоге, при этом говорящий и собеседник могут меняться местами, когда один из говорящих возражает, то есть демонстрирует свою волю и расширяет собственное коммуникативное пространство за счёт коммуникативного пространства говорящего¹.

В современном русском языке универсальным средством выражения коммуникативной границы является слово *нет*. Частотный словарь под редакцией Л. Н. Засориной, выявляющий границы живой лексической системы 70-х годов прошлого века, присваивает ему «ранг» (= номер) 51, то есть *нет* входит в группу самых востребованных слов русского языка второй половины XX века [27]. При этом следует отметить стабильность положения слова, о чём свидетельствуют данные справочного издания «Система лексических минимумов» [24] и материалы ассоциативного эксперимента, основой которого стал сопоставительный диахронный анализ двух языковых картин мира – казахской и русской [2, с. 19]. Интерес представляют данные, отражающие факт изменений в языковой картине мира казахов, вызванных дистанцированием отношений с Россией и русскими. В частности, слово *нет* переместилось с 13-го места (1978) на 42-е (2014) [2, с. 9]. Возвращение к национальным традициям определяет реальное место этого слова в ранговой коммуникативной системе современного казахского языка, в то время как русский язык демонстрирует стабильно высокий рейтинг слова *нет*.

Фактор частотности определяет коммуникативную актуальность слова, под которой авторы «Большого универсального словаря» подразумевают «ценностную характеристику слова, которая определяется,

с одной стороны, её смысловой важностью и употреблением в рамках важных словарных тем и ситуаций (идеографический критерий), а с другой – его соответствием наиболее существенным интенциям (функциональный критерий)» [18, с. 8]².

Линия, реальная или воображаемая, – в основе противопоставления двух предметов, однако за любым противопоставлением находится субъект, и семантика любого «ограничивающего» слова ориентирована на субъекта речи [12, с. 94]. Формирование модальной семантики связано с расширением представления о воле говорящего субъекта: значение отрицания «отталкивания» возникает тогда, когда воле одного субъекта противопоставляется воля другого, при этом точкой отсчёта и линией границы становится субъект говорящий, который определяет границу / предел чужой воли.

Ю.С. Степанов для описания концепта *воля* использует формулу *воля = хочу* (*Я хочу*), устанавливая непосредственную связь понятия воли с понятием *желание* / *хотение*. Глагол *хотеть* связан этимологически с глаголом *хватати*, и оба глагола восходят к одному корню индоевропейского происхождения **goǵǵ-/gū* со значением 'хватать', последующим наращением *-t-* и видоизменённым составом гласных **gūǵ-t-*: «Отношения *хватать* – *хотеть* являются специфически славянскими» [23, с. 430-431]. Древнерусское *хѣтъти* и старославянское *хотѣти* имеют форму опатива со специфической внутренней формой 'да будет так, чтобы я схватил', из семантического компонента, связанного с мыслью о желании, развивается впоследствии значение 'хотеть' [23, с. 432].

Таким образом, как показывает этимологическое исследование семантического развития глагола, предпринятое

¹ Ситуация диалога, в том числе и внутреннего диалога-спора: *И однажды я сказал себе: всё, хватит* (Валентин Курячий. Вдали от суесть и блеска // «Homes & Gardens», 15.04.2002).

² Вместе с тем в работах, оценивающих частотность употребления слова *нет*, не принимается во внимание неоднородность его лексического значения, хотя грамматическая / функциональная омонимия фиксируется в некоторых словарях [9, с. 480; 18, с. 201]. С учётом разных аспектов общей отрицательной семантики нет выделяются два значения слова – «объективное» и «субъективное» [16; 17].

Ю. С. Степановым, понятие воли находится в непосредственной связи с понятием 'желание'. Слово *нет* в его «субъективном» значении (диалоговое *нет*) является универсальным средством выражения воли говорящего, связанной с установлением коммуникативной границы. Любопытно, что в этом случае желание как воля реализуется «от противного» – через не-желание: = *Я не хочу*. Ср.: – *Может, ещё хочешь?* / – *Нет, сыт.* / – *А то мы ещё один котелок можем положить.* / – *В меня уже не лезет.* / – *Не хочешь* – как хочешь. *Твоя воля. У нас такое правило: мы никого насильно не заставляем*¹.

Значение «субъективного» *нет* – 'граница, устанавливаемая волей говорящего субъекта': один из говорящих противопоставляет свою волю и своё желание чужой воле и чужому желанию, ограничивая их, то есть передвигает границу паритетных отношений, расширяя при этом зону своего интереса. Детализирующая этот общий смысл отрицания-«отталкивания» семантика волевого ограничения реализуется в ситуации, когда говорящий решительно устанавливает некий предел чьим-либо действиям, продолжавшимся определённое время, в течение которого говорящий их вынужден был терпеть: 'Я говорю *нет продолжению* чего-либо'. Семантику волевого ограничения можно интерпретировать как 'граница / предел терпения говорящего субъекта' [16, с. 222]. Ср.: *Терпели, терпели, и в какой-то момент ложь и бес-предел зашкалили: всё – хватит!* (НКРЯ²).

Приводимые ниже примеры показательны тем, что в одном контексте слова *полно, довольно, хватит, баста* пересекаются с лексемой *граница* (элемент фразеологического оборота): *Что ты в голову забрал? / Я, конечно, обещал, / Но всему же есть граница! / И зачем тебе девица? / Полно, знаешь ли, кто я?* (А. С. Пушкин.

Сказка о Золотом петушке); *Хватит, – повторил я. – Баста. Всё имеет свои границы* (НКРЯ³).

Языковые средства, выражающие семантику волевого ограничения, могут употребляться параллельно со словом *нет* или с отрицательными глагольными формами: – *Нет, всё, хватит*, надоело! – закричал Горчаков (НКРЯ⁴); *Да, пришла, потому что всё, хватит, больше она здесь работать не желает и не будет* (НКРЯ⁵). Экспрессивным способом выражения семантики является совместное употребление нескольких синонимичных слов, в таком усиленном сочетании коммуникативная граница обозначается более настойчиво и категорично: *В разгар приветствий Лорд вдруг начинает плакать. – Всё, хватит, – сразу командует Сфинкс* (НКРЯ⁶); *Она взяла руку дочери и водила по собачьей голове и спине. – Ну всё, хватит, – сказала она* (НКРЯ⁷).

Эту же мысль о волевом ограничении в определённой коммуникативной ситуации способны выражать императивные формы глаголов, лексическое значение которых включает сему 'временной' предел' – *брось, постой, подожди, отстань, перестань, кончай* и др.: *Мать вдруг задумалась. Лицо у неё стало напряжённое и внимательное, словно она к чему-то прислушивалась. // – Постой, Сашенька! Постой минутку, не перебивай*⁸; – *Посмотри на них, – говорит Борис, – посмотри на их лица. Просто страх берёт. // – Брось! – говорю я. – Нормальные московские ребята; И вдруг младший брат приходит и просит на минутку твою бритву. А однажды ты видишь, что он лежит на диване с совершенно потерянным видом и*

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 03.03.2020).

⁷ Там же.

⁸ Тэффи Н. Взамен политики. [Электронный ресурс]. URL: <https://itexts.net/avtor-nadezhda-aleksandrovna-teffi/29211-vzamen-politiki-nadezhda-teffi/read/page-1.html> (дата обращения: 03.03.2020).

¹ Катаев В. П. Сын полка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruslit.rau.ru/lib/author/kataev-syn-polka/kataev-syn-polka.html> (дата обращения: 03.03.2020).

² Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 03.03.2020).

на твой вопрос бурчит: «**Отстань!**»; – Ты не болен случайно? // – Как тебе сказать? Организм, ха-ха, держится только на молоке. Ежедневно до 10 стаканов. Две у меня слабости... // – Ну ладно, **кончай!** – грубо отрезал я его¹.

Установление коммуникативных границ – смысл для русского «мыслечувствования» неизменно актуальный, ротации подвергаются конкретные лексемы. Например, «архивированы» лексемы *полно(те)* и *будет*; незнакомы современным носителям русского языка заимствования из французского *assez* / *assez*, встречающиеся в текстах XIX – первой половины XX вв.: *Вздор мелешь, малый. / Уши вянут. Полно!* (А. Дельвиг); *В новое время кто-то (едва ли не Писарев) горько упрекал профессоров, что его долго томили над упражнениями переводов иностранных или древних авторов. Полноте!* (И. А. Гончаров); – *Вы что же, всю ночь намереваетесь палить? Фу, какой воздух, всю комнату порохом про-тушили! Будет, будет!* (Г. Скребицкий); *Играла в тот вечер в казино. Он стоял рядом, тоже играл, следил сумасшедшими глазами за шариком и всё выигрывал, выигрывал раз, два, три, четыре... Я тоже всё выигрывала, он это видел и вдруг сказал: «Шабаш! Assez!»* (И. Бунин); *Александров выпил ещё один бокал шампанского и вдруг почувствовал, что больше нельзя. «Генуэ, ассе, баста, довольно», – сказал он ласково засмеявшемуся лакею* (А. Куприн).

Вместе с тем активны в современной речи такие слова со значением волевого ограничения, как *всё, хватит, баста, стоп, отбой, брейк*: *В горле застрял комок, пальцы сжали пачку сигарет, и я услышала собственный голос: «Я больше не курю. Баста»*³; – *Ладно, стоп.* / – *А почему, соб-*

*ственно, стоп?*⁴; – *Пора бы тебе, Мюся, научиться самой такие вопросы решать. Всё, отбой!*⁵; коммуникативная ситуация: профессионально-техническое училище закрытого типа; дерутся двое учащихся, подходит преподаватель: – *Брейк, бойцы!*⁶.

Языковое отрицание – универсальный смысл, основой которого является логическое отрицание. Вместе с тем языковое отрицание, в отличие от логического, субъективно по своей сути, языковые средства выражения отрицания обладают различной интенсивностью в проявлении субъективного начала, что зависит от конкретной коммуникативной ситуации. Таким образом, национально-специфическим становится не сам смысл ‘коммуникативная граница’, а характер и способы его проявления в практике общения (количество средств выражения субъективного отрицания, активность их употребления, степень экспрессии отказа, возражения, несогласия, запрещения и т. д.).

В русской речи реализуются те когнитивные и коммуникативные установки, связанные с основами русской ментальности, которые позволили Андрею Громыко, советскому министру иностранных дел, противостоять претензиям со стороны других государств, за что его и прозвали *Мистер «Нет»*. Другой пример: коллеги известной балерины Екатерины Максимовой называли её *Мадам Нет*: «Когда ей что-то хотели доказать, она просто молчала. Кто-то считал это позёрством, но в этом была вся Катя. Её называли “Мадам Нет”. **В ней была абсолютная категоричность**»⁷.

¹ Аксёнов В. Звёздный билет. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=1024&p=1> (дата обращения: 03.03.2020).

² *Assez* (фр.) – ‘всё, довольно, достаточно’. Ср.: *Assez de zèle, pas trop en faut* (фр.) – Довольно прилежания, немного и надо его (французская пословица).

³ Журнал «Лилит» [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/lilit_magazine (дата обращения: 03.03.2020).

⁴ Арбузов А. Старомодная комедия [Электронный ресурс]. URL: <https://libking.ru/books/poetry-/dramaturgy/216092-aleksey-arbuzov-staromodnaya-komediya.html> (дата обращения: 03.03.2020).

⁵ Пелевин В. Числа [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/4457-viktor-pelevin-chisla.html> (дата обращения: 03.03.2020).

⁶ Т/с «След». Жизнь закрытого типа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZemYDvDE-MA> (дата обращения: 03.03.2020).

⁷ Светлана Безродная. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 03.03.2020).

Интерес представляет индивидуальное восприятие мира и человека через призму национальных традиций¹. Интерпретация мотивирующих особенностей русского коммуникативного поведения принадлежит студентке Влаар Л. из Нидерландов, написавшей в эссе «Зачем изучать русский язык?»: «Говорят, что, изучая новый язык, у тебя развивается другое “я”, и я совершенно с этим согласна. Например, я в Нидерландах всегда тихая и боюсь сказать “нет”, когда меня что-либо просят делать. Я боюсь, потому что знаю, что в Нидерландах такое просят, только когда выбора нет и у них самих не получается. В России, однако, русские просят много всего, хотя сами прекрасно могут справиться. Им просто не хочется это делать! Я быстро заметила, что русские думают, что можно просто попробовать, “вдруг скажет, что сделает”. Мне стало менее стыдно говорить “нет”. Это уже большая разница по сравнению с Нидерландами: там почти всегда говорю, что сделаю, потому что знаю, что просят только потому, что сами не справляются, а в России чаще всего говорю “нет”, потому что знаю, что они просто пробуют и думают: “Вдруг получится, и мне останется меньше делать”»².

Русское коммуникативное поведение, предполагающее открытое и частотное использование *нет* или его ситуативных синонимов, противопоставлено восточному пониманию коммуникативной границы: национальные традиции коммуникативного поведения, сложившиеся в странах Востока, диктуют разнообразные индивидуальные формы отказа от любой категоричности. Мысль о несогласии, запрете, возражении облачается в какую-то другую форму, форму не прямой коммуникации, при этом вырабатываются национально-специфичные приёмы речевого поведения

– «окольные пути для выражения отказа» [25, с. 74]. Представителями другой речевой культуры («взгляд со стороны») тактика ухода от прямого выражения несогласия отмечается как яркая особенность восточного коммуникативного поведения: «никогда не говорят *нет*» – пишет студентка РосНОУ в ответе на вопрос анкеты об особенностях характера носителей китайского языка (2019 г.). Стихийное мнение, основанное не на знании, а на представлении, сложившемся в результате нерегулярного общения, тем не менее подтверждается результатами длительного наблюдения и более глубокого изучения особенностей речевого поведения носителей японского, китайского или вьетнамского языка [1; 17; 21; 25].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВЫВОДЫ

Таким образом, в отличие от представления о важности понятия границы в целом, мысль о коммуникативной границе оказывается национально-специфичной, что выявляется в сопоставлении, например, с китайской лингвокультурой³. В частности, китайская традиция предусматривает установление границ / рамок для самого себя, что связано с идеей *самоограничения* и *самосовершенствования* [26, с. 44]. Русская традиция, для которой принципиальное значение имеет понятие воли («своей воли»), предполагает возможное расширение личного коммуникативного пространства говорящего за счет воли и желаний собеседника. Многообразие лексических вариантов оформления мысли о границе свидетельствуют о её коммуникативной актуальности в современной русской речи и в целом – в русской национальной аксиосфере.

Статья поступила в редакцию 25.02.20.

¹ В работе А. Залевской [8] рассматриваются перспективные направления изучения индивидуального сознания говорящих – на родном языке, на благоприобретённом (втором) и сопоставительные исследования «индивидуальных» картин мира людей – носителей разных языков.

² Ситуация диалога, в Институте русского языка им. А. С. Пушкина, декабрь 2018 г.

³ Граница является важным, аксиологически значимым понятием как для русского, так и для китайского менталитета.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-012-00609 «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

ACKNOWLEDGMENTS

The work was supported by RFBR, Project no. 19-012-00609 ("Modern Russian axiological sphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code").

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М.: ЛитРес, 2017. 473 с.
2. Артыкбаева Ф. И. Отражение базовых ценностей в ядре ментального лексикона носителей языка и культуры (диахронический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016. 19 с.
3. Арутюнова Н. Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 3–18.
4. Вепрева И. Т., Ицкович М. М., Купина Н. А., Шалина И. В. Ценностные предпочтения современной студенческой молодежи в лингвокогнитивном и социопсихологическом освещении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №2. С. 62–73.
5. Вепрева И. Т., Мальцева Т. В. Базовые ценности россиян в отражении языковой рефлексии // Политическая лингвистика. 2017. №1 (61). С. 113–120.
6. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Чернышова Л. А. Лимнологические исследования: о слове «граница» и о термине «граница» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. №6. С. 8–18.
7. Гудков Д. Б. Эссе о границе // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: МАКС. Пресс, 2000. Вып. 22. С. 51–57.
8. Залевская А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
9. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Изд. 6-е, стереотипное. М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2016. 800 с.
10. Зубова Н. Ю. Граница как элемент языковой картины мира и её представление в современных английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 170 с.
11. Карасик В. И. Языковые мосты понимания. М.: Дискурс, 2019. 524 с.
12. Лебедева Л. Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 93–97.
13. Лексин В. Н. Языковой фундамент цивилизации // Общественные науки и современность. 2015. №1. С. 162–176.
14. Лотман Ю. М. Понятие границы // Ю. М. Лотман. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
15. Матвеев В. А. Начало как продолжение и конец как исполнение (на материале старо- и церковнославянского языка) // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2002. С. 96–108.
16. Милованова М. С. Инвариантная семантика субъективного отрицания в современном русском языке // Актуальные проблемы обучения русскому языку. XII. Брно: Masarykova univerzita, 2016. С. 220–224.
17. Милованова М. С., Нгуен К. Т. В. Экспрессия русского отрицания (Русское коммуникативное поведение: взгляд со стороны). М.: Флинта-Наука, 2019. 160 с.
18. Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М.: АСТ-ПРЕСС Школа, 2016. 1456 с.
19. Поршнев Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания // IX Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973): докл. советской делегации. М.: Наука, 1973. С. 1–15.
20. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т I. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. 674 с.
21. Русское и китайское коммуникативное поведение: сб. статей. Вып. 1. / Ред. И. А. Стернин.

- Воронеж: Истоки, 2002. 76 с.
22. Селищев А. М. Введение в сравнительную грамматику славянских языков. М.: URSS: КомКнига, 2010. 124 с.
 23. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 989 с.
 24. Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексических списков от 500 до 5000 самых важных русских слов / Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая, В. В. Морковкин, З. П. Попова. М.: Астрель: АСТ, 2003. 768 с.
 25. Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М.: ВК, 2009. 333 с.
 26. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии. Перевод с англ. на русский: Котенко Р. В.; научн. ред.: Торчинов Е. А. М.: Евразия, 1998. 376 с.
 27. Частотный словарь русского языка. Под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.
 28. Чёрная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки славянских культур, 2008. 464 с.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. *Yaponiya: yazyk i kul'tura* [Japan: language and culture]. Moscow, LitRes Publ., 2017. 473 p.
2. Artykbayeva F. I. *Otrazheniye bazovykh tsennostey v yadre mental'nogo leksikona nositeley yazyka i kul'tury (diakhronicheskiy aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Reflection of basic values in the core of the mental lexicon of language and culture speakers (diachronic aspect): abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Tver, 2016. 19 p.
3. Arutyunova N. D. *V tselom o tselom. Vremya i prostranstvo v kontseptualizatsii deystvitel'nosti* [In General about the whole. Time and space in the conceptualization of reality]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language. Semantics of beginning and end] / Executive editor N Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 3–18.
4. Veprava I. T., Itskovich M. M., Kupina N. A., Shalina I. V. *Tsennostnyye predpochteniya sovremennoy studentcheskoy molodezhi v lingvokognitivnom i sotsiopsikhologicheskom osveshchenii* [Value preferences of modern students in linguocognitive and sociopsychological coverage]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Cognitive Linguistics Issues], 2016, no. 2, pp. 62–73.
5. Veprava I. T., Mal'tseva T. V. *Bazovyye tsennosti rossiyan v otrazhenii yazykovoy refleksii* [Basic values of Russians in the reflection of language reflection]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2017, no. 1 (61), pp. 113–120.
6. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A., Chernyshova L. A. *Limologicheskiye issledovaniya: o slove "granitsa" i o termine "granitsa"* [Limological research: about the word "border" and the term "border"]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2018, no. 6, pp. 8–18.
7. Gudkov D. B. [Essay on the border]. In: *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sb. statey* [Language, consciousness, communication: collection of articles]. Moscow, MAKSS. Press Publ., 2000, pp. 51–57.
8. Zalevskaya A. *Psikholingvisticheskiye issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannyye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text. Selected works]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 543 p.
9. Zaliznyak A. A. *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka: Slovoizmeneniye* [Grammatical dictionary of the Russian language: Inflection]. Ed. 6th, stereotype. Moscow, AST-PRESS Kniga Publ., 2016. 800 p.
10. Zubova N. Yu. *Granitsa kak element yazykovoy kartiny mira i eye predstavleniye v sovremennykh angliyskom i russkom yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The border as an element of the linguistic picture of the world and its representation in modern English and Russian languages: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Tver, 2012. 170 p.
11. Karasik V. I. *Yazykovyye mosty ponimaniya* [Language bridges of understanding]. Moscow, Diskurs Publ., 2019. 524 p.
12. Lebedeva L. B. [Semantics of "limiting" words]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, pp. 93–97.
13. Leksin V. N. *Yazykovoy fundament tsivilizatsii* [Language Foundation of civilization]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2015, no. 1, pp. 162–176.
14. Lotman Yu. M. *Ponyatiye granitsy* [The concept of the border]. In: Yu. M. Lotman. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds]. Moscow, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 448 p.
15. Matveenko V. A. [The beginning as a continuation and the end as a performance (on the material of the

- old and Church Slavonic language)]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of the language. Semantics of beginning and end] / Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 96–108.
16. Milovanova M. S. *Invariantnaya semantika sub'yektivnogo otritsaniya v sovremennom russkom yazyke* [Invariant semantics of subjective negation in modern Russian (scientific article)]. In: *Aktual'nyye problemy obucheniya russkomu yazyku. XII* [Actual problems of teaching the Russian language 12]. Brno: Masarykova univerzita Publ. (Czechia), 2016, pp. 220–226.
17. Milovanova M. S., Nguyen K. T. V. *Ekspressiya russkogo otritsaniya (Russkoye kommunikativnoye povedeniye: vzglyad so storony)* [Russian negation expression (Russian communicative behavior: an outsider's view)]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2019. 160 p.
18. Morkovkin V. V., Bogacheva G. F., Lutsкая N. M. *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [Large universal dictionary of the Russian language] / Pushkin State Russian Language Institute. Moscow, AST-PRESS Shkola Publ., 2016. 1456 p.
19. Porshnev B. F. *Protivopostavleniye kak component etnicheskogo samosoznaniya* [Opposition as a component of ethnic identity]. In: *IX Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk* [9th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences] (Chicago, September 1973): reports of the Soviet delegation. Moscow: Nauka Publ., 1973. pp. 1–15.
20. Preobrazhensky A. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow, Typography of G. Lissnera & D. Sovko Publ., 1910–1914. 674 p.
21. *Russkoye i kitayskoye kommunikativnoye povedeniye* [Russian and Chinese communicative behavior]: collection of articles. Issue 1 / Ed. I. Sternin. Voronezh: Istoki Publ., 2002. 76 p.
22. Selishchev A. M. *Vvedeniye v sravnitel'nuyu grammatiku slavyanskikh yazykovyazyka* [Introduction to comparative grammar of Slavic languages]. Moscow, URSS: KomKniga Publ., 2010. 124 p.
23. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskii Proyekt Publ., 2001. 989 p.
24. *Sistema leksicheskikh minimumov sovremennogo russkogo yazyka: 10 leksicheskikh spiskov ot 500 do 5000 samykh vazhnykh russkikh slov* [The system of lexical minimums of the modern contemporary Russian language: 10 lexical lists from 500 to 5000 of the most important Russian words] / G. Bogacheva, N. Lutsкая, V. Morkovkin, Z. Popova. Moscow, Astrel': AST Publ., 2003. 768 p.
25. Formanovskaya N. I. *Rechevoy etiket v russkom obshchenii. Teoriya i praktika* [Speech etiquette in Russian communication. Theory and practice]. Moscow, VK Publ., 2012. 333 p.
26. Fen Yu-lan'. *A Short History of Chinese Philosophy* (Russ. ed.: Torchinov E. A., Kotenko R. V., transl. *Kratkaya istoriya kitayskoy filosofii*). Translated from English to Russian: Kotenko R. V. St. Petersburg, Evraziya Publ., 1998. 376 p.).
27. *Chastotnyy slovar' russkogo yazyka* [Frequency dictionary of the Russian language] / Ed. by L. N. Zasorina. Moscow, Russian language Publ., 1977. 939 p.
28. Chernaya L. A. *Antropologicheskiy kod drevnerusskoy kul'tury* [Anthropological code of the ancient Russian culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 464 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Милованова Мария Станиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина;

e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

Чжао Мэйвэй – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина;

e-mail: 745710600@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria S. Milovanova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Russian and General Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute;

e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

Zhao Meiwei – postgraduate student at the Philological Faculty, Pushkin State Russian Language Institute;

e-mail: 745710600@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Милованова М. С., Чжао Мэйвэй. Понятие коммуникативной границы в русской национальной аксиосфере // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 32–41.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-32-41

FOR CITATION

Milovanova M. S., Zhao M. The Concept of “Communicative Border” in the Russian National Axiological Sphere. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 2, pp. 32–41.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-32-41